

Одержимость (В. Корчной)

Есть шахматисты, имена которых известны каждому любителю, хотя они никогда не были чемпионами мира. Это — Чигорин, Тарраш, Рубинштейн, Нимцович, Керес, Бронштейн. К ним относится и Виктор Корчной. Он достойно играл матчи за мировую корону, выигрывал крупнейшие турниры с участием всех сильнейших, и его вклад в шахматы не менее значителен, чем у тех, кто официально стоял на самой вершине пирамиды.

Впервые я увидел его полвека назад на шахматном празднике во Дворце пионеров. Я только что сделал ничью со Спасским в сеансе одновременной игры и с бьющимся от счастья сердцем подошел к другому сеансу, который давал, куря папиросу за папиросой, молодой человек с характерной мимикой. Это был Виктор Корчной. Мальчику, за спиной которого я встал, давали советы дети, которым не нашлось места в сеансе. Так и не решив, какой ход сделать, мальчик попросил разрешения у Корчного, подошедшего к его доске, пропустить очередь. В то же мгновение прозвучало короткое слово, которое довелось слышать от него многим, в том числе впоследствии не раз и мне, в ответ на предложенную ничью. Корчной сказал: «Нет».

Его бескомпромиссность, заряженность на борьбу, жажда победы общеизвестны. Качества эти вместе с фантазией присущи молодости и с возрастом обычно пропадают. Накапливается опыт, всё теряет прелесть новизны, почти ничто не возбуждает воображение и не подстегивает, как в молодые годы, к творчеству. С Корчным этого не произошло. Он по-прежнему в поиске, в анализе, в подготовке к турнирам — он всё еще в игре.

Уверен, что серое вещество мозга, отведенное шахматам, занимает у него значительно больший объем, чем у какого-либо другого шахматиста. Даже у тех, чьи имена сверкают сегодня в первых строчках таблиц супертурниров и в матчах на первенство мира. И хотя сам Виктор нередко

говорит о себе, что никогда не был вундеркиндом: и мастерское звание, и гроссмейстерский титул, равно как и дальнейший подъем к шахматному Олимпу давались ему с немалым трудом, - без огромного природного дарования нельзя добиться таких выдающихся успехов и так долго находиться в элите мировых шахмат. Помимо таланта, упорства и характера для Корчного характерны два качества, выделяющие его среди коллег: безграничная любовь к игре и абсолютная честность в анализе.

Честность, порой доходящая до безжалостности по отношению к сопернику, но в первую очередь — к самому себе.

Холодным осенним днем голодного Ленинграда 1944 года тринадцатилетний подросток записался сразу в три кружка Дворца пионеров: художественного слова, музыкальный и шахматный. К счастью для шахмат, у него обнаружилось неправильное произношение, а пианино дома не было. Шахматы стали для него главным делом жизни, а потом и жизнью самой. Не случайно книга, написанная им более двух десятилетий назад, так и называется — «Chess is my life». На деле это его жизненная концепция, которой он остается верен по сей день.

Закончив партию, Виктор не спешит покинуть турнирный зал. Он переходит от одного столика к другому, задерживаясь у позиций, которые привлекли его внимание. Он стоит в характерной позе, изредка покачиваясь, и по взгляду, устремленному на доску, быстрому поднятию и опусканию бровей, всей мимике его лица можно следить за непрекращающейся работой ума, занятого перебором вариантов. Только когда варианты просчитаны и произведена оценка позиции, он медленно переходит к другой партии, с тем чтобы снова погрузиться в лабиринт вариантов.

В последнее время Корчной нередко говорит: «Я играю в шахматы для того, чтобы показать молодым ребятам, что им еще есть чему у меня поучиться». На турнире в Тилбурге в 1998 году он выговаривал Вадиму Звягинцеву: «Почему вы не продолжали борьбу в этой позиции? У вас же шансы были... Опасно? Тогда вам лучше вообще в шахматы не играть, если опасно!» После партии последнего тура досталось и Пете Свидлеру: «А вам, вам не стыдно делать в полчаса белыми ничью с Анандом? Разве это не интересно — играть с Анандом? Вы что, каждый день с Анандом играете? Я вот тоже мог вчера с Крамником в славянской на d5 взять и уж точно не проиграл бы, но я так не играю, и никогда не играл, и не буду, если считаю, что вариант к преимуществу ведет! Даже если позиция получается опасная и сложная. Она ведь для обоих сложная...»

В конце 60-х — начале 70-х годов я помогал Виктору готовиться к претендентским матчам. Бывало, после долгого дня, проведенного за анализом, в разговоре за ужином я замечал, что взгляд его скользит куда-то поверх меня, реакция становится неадекватной, и я знал, что через некоторое время последует реплика типа: «В позиции, где мы прервали анализ, дела черных совсем не так хороши. Если белые пойдут, скажем, ♖L>5, что вы будете делать?..» Процесс анализа, поиски истины могут длиться для Корчного бесконечно, и поиски эти не менее важны для него, чем плоды самой работы.

Как-то я советовал ему не применять найденную в результате долгого анализа новинку в турнире, казавшемся мне не очень значительным, а прибегнуть к ней для более важного. «Для другого турнира что-нибудь новое придумается, — отвечал Виктор. — Я не дорожу новинками».

Как правило, дебютные находки Корчного — это не просто ход или маневр, усиливающий

вариант или опровергающий общепринятую оценку. В большинстве случаев речь идет о целом комплексе идей, новой концепции в той или иной защите или системе. И хотя его имени нет в теории дебютов, разработки Корчного дали -толчок к развитию многих из них на десятилетия. Его трактовка позиций французской защиты, когда наличие изолированной пешки с лихвой окупается богатой фигурной игрой, варианта Тартако-вера в ферзевом гамбите, открытого варианта «испанки», считавшегося не вполне удовлетворительным после матч-турнира 1948 года и возрожденного Корчным на самом высоком уровне, вплоть до матчей на первенство мира, заставила пересмотреть оценку многих дебютных построений. Он придумал и ввел в практику парадоксальный выпад конем на четвертом ходу, положивший начало целому разветвлению в английском начале. Вариант защиты Грюн-фельда, считающийся сегодня основным в этом дебюте и доставляющий черным массу неприятностей, впервые по-настоящему начал применять Корчной. Многие варианты староиндийской защиты — дебюта, который он считает очень трудным за черных, а в глубине души даже сомнительным, немислимы в современной теории без имени Корчного.

В книге о защите Бенони Джон Нанн пишет, что в системе с 6.g3 результаты белых не особенно хороши, за исключением Сосонко, которому почти всегда сопутствует успех. Раскрою секрет: блистательная партия, выигранная Корчным у Таля в чемпионате Советского Союза в Ереване сорок лет назад, произвела на меня такое впечатление, что я включил вариант в свой дебютный репертуар, и с тех пор он служит мне верой и правдой.

Ему всё хочется проверить и испытать. Если в Грюнфельде появляется свежая идея на пятом ходу, он одним из первых берет ее на вооружение, а в ответ на староиндийскую применяет теперь систему, дотоле не встречавшуюся в его практике. В арсенале Корчного варианты, которые стали разрабатываться в самое последнее время. Он любит повторять слова Левенфиша: «Если шахматисту хочется сыграть новый дебют — значит, он еще растет».

Но ему интересен не только дебют. Те, кто анализировал вместе с ним, знают, что он с удовольствием исследует и комбинационный миттельшпиль, и скучный эндшпиль, что он ищет спасения в позиции, которую кто другой вряд ли взялся бы защищать. Виктор продолжает до сих пор много работать над шахматами. Несколько лет назад на занятиях со сборной Швейцарии он при анализе обоюдоострой позиции пропустил комбинационный удар. Маэстро расстроился. «Надо будет теперь хотя бы по полчаса в день дополнительно заниматься тактикой», — сообщил он своим опешившим слушателям.

Когда Корчной играет в шахматы, он забывает обо всем. Таль рассказывал мне, как перед сеансом в Гаване Виктора попросили: «С тобой будет играть Че Гевара. Игрок он довольно слабый, но шахматы любит страстно. Он был бы счастлив, если бы ему удалось добиться ничьей...» Корчной понимающе кивнул головой. Через несколько часов он вернулся в гостиницу. «И?...» — «Я прибил их всех, всех без исключения!» — «Ну а Че Гевара? Че Гевара?!» — «Прибил и Че Гевару — понятия не имеет в каталонском начале!»

В 1970 году я помогал Виктору на чемпионате Советского Союза в Риге. Январь тогда выдался морозный, и в здании, где игрался турнир, лопнули канализационные трубы. Сначала это почувствовали зрители, начавшие потихоньку покидать зал, а вскоре и главный судья вынужден был объявить перерыв. Участники, обмениваясь шутками, стали спускаться со сцены. Одинокая фигура Корчного осталась за столиком. «В чем дело?» - поднимая голову, спросил он у судьи, остановившего часы в его партии. — «Что-нибудь случилось?»

Еще в зрелые годы, когда запас энергии у него был в избытке, Виктор знал, что в турнире она вся должна быть отдана шахматам. Экскурсии в выходные дни, приемы, встречи, суета - всё должно быть отменено. «Что делать? Ничего не делать. Сидеть дома, отдыхать, думать о партии», — сказал еще в начале 70-х.

Он следит за своей физической формой. Зимой ходит на лыжах. Много лет назад, еще в свой ленинградский период жизни, он, будучи за рулем, ударил на Васильевском острове машину ГАИ. «С тех пор я перестал водить машину и вынужден был ходить пешком, — говорит Виктор. - Я и сейчас много хожу пешком».

Сейчас Корчной не курит, но так было не всегда. С юношеских лет не расстающийся с сигаретой, он неоднократно бросал курить. Иногда делал это — непостижимое для заядлого курильщика! — во время турнира, после проигранной партии, добровольно надевая на себя вериги: подвергая наказанию плоть, он закалял дух.

Пять лет назад я играл с ним в Каннах, в турнире, где представители старшего поколения встречались с сильнейшими юношами Франции. За десять дней до начала соревнования Виктор, катаясь на лыжах, сломал ногу. Он с трудом поднимался на сцену Дворца фестивалей, засовывал костыль подальше под стул, находил удобное положение для закованной в гипс ноги и принимался за дело. Юниоры не сдали экзамен маэстро: на всех десятиерых он отпустил только пол-очка. После того как партия заканчивалась, он часами анализировал ее с молодыми, уходя из турнирного зала одним из последних. Петра, его жена, сидела по обыкновению неподалеку, читая или решая очередной кроссворд. Со стороны сцены, где стоял его столик, доносилось характерное пофыркивание и смех - и, присмотревшись, можно было разглядеть в прославленном мэтре Витю Корчного времен четвертьфинала первенства СССР где-нибудь в Свердловске, когда он сам был в возрасте своих соперников.

Неделей позже на шахматном празднике в Гронингене он давал сеанс одновременной игры. Хотя гипс уже был снят и костыль заменила палка, похожая на перевернутую лыжную, ходить ему было еще трудно. Я закончил свое выступление и наблюдал за его перемещениями вдоль столиков. В некоторых партиях борьба была еще в разгаре, и организаторы многозначительно поглядывали на часы: приближалось время закрытия. «Попробуйте предложить ничью», - посоветовал я одному из участников, имевшему вполне пристойную позицию. «Да я предлагал уже, так он ничего не ответил». — «Рискните еще раз, он мог и не услышать». — «Ничья? — переспросил приковылявший к столику Корчной.

- Dank u well!»[7] — и со стуком пожертвовал слона...

Юбилей Корчного совпадает с другой годовщиной: 100 лет назад в Амстердаме родился человек, без которого Голландия на шахматной карте мира располагалась бы, вероятно, рядом с Австрией и Данией. Имя этого человека — Макс Эйве. В этом году у Эйве и Корчного одна общая памятная дата. Пятого июля 1976 года — четверть века тому назад - сразу же после открытия турнира в Амстердаме Эйве, который был тогда президентом ФИДЕ, и Корчной беседовали друг с другом. Виктор уже тогда хорошо говорил по-английски, но попросил меня исполнять роль переводчика. Эйве сразу всё понял и обнадежил Виктора, что он не должен ни о чем беспокоиться.

На следующий день я уехал на межзональный турнир в Биле. Мы несколько раз говорили по телефону. «Вы всё не у тех выигрываете. Ну при чем здесь Смейкал? Зато проигрываете...» — заметил как-то Корчной, имея в виду мои проигрыши Геллеру и Петросяну, отношения с которыми у него, особенно с последним, были военными. Именно поэтому один результат

девятого тура доставил ему особую радость. В этот день колумбийский мастер Оскар Кастро выиграл у Петросяна. «Передайте Кастро сто долларов и скажите, что это — reward, запомните это слово: reward!» И смеялся характерно: «Кастро прибил Петросяна! Кхх...» Когда вечером я вручил «reward» Кастро, тот долго не мог ничего понять, но купюру в конце концов взял...

Утро 26 июля. Журнальный киоск. И вдруг зарябило в глазах от аршинных заголовков на первых страницах газет: ЕЩЕ ОДИН, КОТОРЫЙ ВЫБРАЛ СВОБОДУ!

Понятие свободы означало для Корчного в первую очередь возможность играть в шахматы, не подчиняясь законам несуществующего теперь государства, требовавшего от всех своих граждан беспрекословного повиновения. В Советском Союзе он не был диссидентом в прямом смысле этого слова; опасность угрожала его шахматной жизни и творчеству. Взяв в заложники его семью, государство заставило Виктора стать диссидентом.

Место шахмат в мировой культуре, конечно, менее значительно, чем литературы, музыки или балета. Однако если имена Солженицына и Ростроповича, Барышникова и Бродского в стране, вытолкнувшей их, можно было не упоминать, не издавать их книг, полностью замалчивать их концерты и спектакли, то с Корчным было много труднее. Регулярно встречаясь за шахматной доской с советскими гроссмейстерами, играя матчи на мировое первенство, он вызывал глухую ярость у властей, постоянно напоминая о себе миллионам своих бывших сограждан. В газетных репортажах, в радио- и телепередачах имя его чаще всего было скрыто за безликим «соперник», «претендент», а в официальных статьях — «изменник» или «предатель». Но именно поэтому, ненапечатанное и произносимое только шепотом, оно гремело внутри страны громче всяких фанфар! Он сделал шахматы тогда делом государственной важности, и о ходе матчей за мировую корону руководителям Советского Союза докладывали по прямому проводу, словно это были сводки с полей военных сражений.

Бойкот соревнований, в которые приглашался Корчной, хотя и не был официально объявлен советской шахматной федерацией, но был достаточно эффективен. Подсчитано, что за семь лет он «потерял» несколько десятков крупных международных турниров.

Более двадцати лет назад в Амстердаме состоялась пресс-конференция. «Никакого бойкота Корчного нет! Советские шахматисты, очень хорошо знающие Корчного лично, сами отказываются играть с ним». Для нелегкого доказательства этой теоремы в офис ФИДЕ прибыл начальник отдела шахмат Виктор Батурицкий. «Даже если принять ваши утверждения, как вы можете объяснить тот факт, что заявленные на турнир в Лон-Пайне Романишин и Цешковский отказались от поездки, узнав, что там играет Корчной?»

- спрашивали его. — Они ведь представители нового поколения и почти не знакомы с Корчным?» - «Это верно, — соглашался Батурицкий. — Они должны были ехать на турнир и прийти к нам в федерацию посоветоваться. В общем-то, этот турнир не может быть рекомендован, сказали мы, а так — решайте сами».

Последний вопрос задал Ханс Рей: «Пятьдесят лет назад у вас в стране Алехина называли монархистом и белогвардейцем. Теперь в Москве играет турнир его памяти. Сейчас в Советском Союзе Корчной — изменник и предатель. Не думаете ли вы, что через двадцать лет у вас будет проводиться турнир его имени?» Что-то похожее на улыбку появилось на лице Батурицкого, он достал сигару, зажег ее и, выпустив колечко дыма, произнес: «Я не знаю, что будет через двадцать лет. Меня, во всяком случае, через двадцать лет не будет...»

В будущее действительно трудно заглянуть. Батурицкий готовится встретить 87-летие, а в

Санкт-Петербурге прошли торжества, посвященные юбилею выдающегося гроссмейстера.

«Мне не нужно сейчас никуда отбираться, не нужно ни за что бороться. Я — любитель», — говорит он. Если слову «любитель» придать его первоначальный смысл, то и тогда оно слишком бледно отражало бы отношение к шахматам Виктора Корчного. Шахматы для него — всё. На его долю выпала удача, достающаяся очень немногим: не только заниматься делом, которое удастся лучше всего, но и безгранично любить это дело. Любить? Скорее, это пылкая страсть, одержимость, жизнь сама, которая стала бы без шахмат не просто бессодержательной — бессмысленной!

За свой более чем полувековой путь в шахматах Корчной переиграл со всеми чемпионами мира, начиная с Ботвинника. Со всеми сильнейшими игроками настоящего и прошлого, иногда и очень далекого прошлого. То, что для других кажется невозможным, отступает перед его фантазией и любовью к игре, расширяя границы реального мира до запредельного, не укладывающегося в общепринятые рамки. Так, совсем недавно он выиграл черными партию (французская защита, текст опубликован) у одного из корифеев начала 20-го века Гёзы Мароци. Для этого, правда, пришлось прибегнуть к помощи медиума: знаменитый венгр посылал свои ходы из потустороннего мира. «Конечно, никогда нельзя быть уверенным до конца, что партия действительно играна духом Мароци, но весь ход борьбы: не вполне уверенная трактовка дебюта, зато хорошая игра в окончании — свидетельствует об этом», — утверждает победитель.

К своему юбилею Корчной сделал подарок всем любителям шахмат. Книга, которая должна выйти сразу на двух языках, английском и немецком, включает в себя сто заново прокомментированных им своих партий: пятьдесят игранных белыми фигурами и пятьдесят — черными. По сути, эта книга — прекрасный учебник шахмат, рисующий без ретуши портрет одного из самых замечательных мастеров игры. «Над каждой партией я работал в среднем три дня. А ведь еще вдохновение нужно, так что считайте!» - говорит автор. В комментариях к одной из партий Корчной выражает надежду, что читатель, переигрывая ее, получит удовольствие от полнокровной, далекой от рутины борьбы. Это то, что более всего дорого для него в игре: творчество и единоборство, борьба идей за шахматной доской.

Как и почти все шахматисты старшего поколения, Корчной пользуется компьютером только как базой данных, крайне редко прибегая к его совету. «Я компьютер не особенно жалую, главным образом за его безответственность. Что это значит? Я жертвую ему, например, фигуру за атаку — он: у черных выиграно. Уже через пару ходов оценивает позицию как равную, потом я делаю сильный ход — он: у белых выиграно. Потом - опять у черных... Безответственность какая-то!»

Когда я несколько лет назад стал жаловаться на отсутствие мотивации, усталость, всё более накапливающуюся к концу турнира, он только обронил коротко: «Пятьдесят — это не возраст». Не только из его поколения, но и из последующего не осталось никого, кто боролся бы на равных с молодыми, напористыми, наигранными профессионалами. Одни навсегда оставили сцену, другие играют время от времени в турнирах ветеранов. Любители, только понаслышке знакомые с огромным напряжением, непременно присутствующим в партиях больших мастеров, приводят его в качестве примера: «Посмотрите, вот Корчной ведь еще играет». Они не понимают, что дело здесь не только в мастерстве и таланте: его искусству полной отдачи шахматам всего себя без остатка так же невозможно обучиться, как невозможно взрослому человеку вырасти хотя бы на один сантиметр.

Его уже давно не удивляет, что он самый старый участник турнира, в большинстве случаев со значительным отрывом от второго по возрасту участника. На Олимпиаде в Стамбуле ему сказали, что в какой-то команде играет его одноклассник. «Но я выяснил, что он родился 17 апреля, так что я все равно здесь самый старый», - смеялся Корчной. Он и не чувствует возраста; известно ведь, что старость — не столь одряхление тела, сколь равнодушие души. Было странно слышать от него в том же Стамбуле, что он слишком много занимался шахматами в последнее время и переутомился. Казалось, он отменил само понятие усталости. Несколько лет назад на турнире в Вейк-ан-Зее Корчной, готовясь к партии с Тимманом, заметил: «Сильно сдает Ян к последнему часу игры. Так что я решил замотать его, поддерживая напряжение до конца». После закончившегося недавно матча в Донецке говорил: «Ошибается в эндшпиле семнадцатилетний Пономарев, а всё потому, что устает сильно к концу партии. С чего бы это?»

Корчной по-прежнему очень эмоционально переживает происходящее на доске, а к поражениям относится еще более остро, чем раньше. Бывает, не поздравляет соперника с победой или обрушивается на него из-за отсутствия ответа (зачастую не услышанного) на предложение ничьей. Случается, его молодые коллеги выслушивают после партии в сердцах высказанные тирады, в которых дается не только оценка позиций, возникших в ходе борьбы, — нередко им сообщается, что Корчной думает об их игре вообще, а порой и о них самих. Они знают на собственном опыте о колоссальных психических и эмоциональных перегрузках, сопутствующих сегодня профессиональным шахматам, но только умозрительно могут представить себе, как влияют эти перегрузки на шахматиста его возраста.

Прошлогодний турнир в Вейк-ан-Зее складывался тяжело для Корчного. «Почему, почему я сыграл h6? Почему не подготовил длинную рокировку? Почему взял на g2?» — казнил он себя после того, как сдался Ананду на 18-м ходу. «Нет, мне уже трудно играть такой длинный турнир». Но, выиграв в последнем туре затяжную партию у Пикета, был снова полон энергии: «Такое чувство, что турнир и коротки и даже...»

Характеристики игроков, как и мысли Корчного о шахматах, всегда меткие, неожиданные. Советовал однажды Иосифу Дорфману, который жаловался на то, что не выиграл у противника, значительно уступавшего ему в силе: «Уж очень вы сильно на него давили, тому ничего не оставалось, как делать вынужденные ходы. А вы должны были дать ему самому немного походить, глядишь, он что-нибудь бы и придумал...» Заметил в Каннах, наблюдая за игрой молодого Фрессине в сильном цейтноте: «Посмотрите, посмотрите, он уже двигает пешки. Это болезнь всех выучившихся стратегов — и моя в том числе: в цейтноте начинать играть пешками. Видите, как уже ухудшилась его позиция?»

Возраст игрока не играет для него никакой роли, потому что в шахматах, так же как в литературе и музыке, исполнителей отличают не по годам. Поэтому, разбирая партию с двенадцатилетним Тейму-ром Раджабовым, он разговаривает с ним как со взрослым: «Вы считаетесь с тем, что в конце предлагаемого вами варианта король черных остается без защиты? А что, если я коня пожертвую?» — не обращая внимания на блестящие глаза и дрожащий подбородок своего соперника.

В один из горьких дней 1940 года Уинстон Черчилль заявил деморализованным министрам французского кабинета: «Whatever you may do, we shall fight on for ever, and ever, and ever» [8].

Корчной не раз повторял, что он покинул Советский Союз, чтобы играть в шахматы. В этом он видит свое предназначение, свою судьбу. И как бы ни менялись правила проведения соревнований, и какие бы новые звезды ни всходили на шахматном небосводе, Виктор

Корчной will fight on for ever, and ever, and ever...

Февраль 2001